

Я все еще был слегка обеспокоен моим предыдущим воспоминанием. Оно ответило на несколько моих вопросов о себе. Я жил до того, как стал Надзирателем; у меня были тело, семья. Причиной моих ностальгических чувств были то, что я имел руки и ходил на двух ногах, или, по крайней мере, у моей семьи были руки. Огонь из воспоминания был неконтролируемым, опасным, и я мог ощущать отчетливый страх перед ним. Это заставило меня меньше склоняться к обучению моих ящериц огню.

Мрачные эмоции, которые я чувствовал в прошлом, были в равной степени расстраивающими. Они произошли давным-давно, но в воспоминании они были сильными, грубыми эмоциями, которые угрожали занять место в моем сердце. Я знал об этих эмоциях до воспоминания. Это был всего лишь намек на них, но я знал, что они имели уничтожающую силу. Именно они послужили причиной того, что я создал сердце семьи, когда впервые увидел, как дрались мои ящерицы.

Я потратил много времени за размышлениями над воспоминанием. Вскоре вся колония на склоне горы имела защитный пушок раннего оперения. Иногда отдельные особи или семьи мигрировали к ним, и я также обеспечивал их детенышей защитой от холода. Когда члены колонии на склоне гор смешивались с близлежащими лесными колониями, это выглядело странно, тем не менее они по-прежнему были приняты своими собратьями. Имея возможность мерцать и сверкать своими короткими похожими на мех перьями, они были в состоянии поддерживать стандартные связи всех ящериц.

Наблюдая эти перья, в умах чешуйчатых ящериц появилась идея. Несмотря на то, что сейчас им угрожало всего несколько реальных хищников, чем тогда, когда я впервые пришел к ним, маленькие, пушистые млекопитающие и грызуны были распространенным источником хищнического истребления. С их инструментами и совместной работой в команде они больше не представляли угрозы, и могли быть легко отпуганы или убиты, если были слишком агрессивны. Не желая тратить драгоценную пищу, если они убили своего врага, они ели сырое мясо, разделяя его среди членов колонии. Кости могли быть использованы для инструментов, но все остальное просто выбрасывалось. После наблюдения за колонией ящериц на склоне горы, они уяснили идею о том, что мех может быть использован для тепла. В лесу может быть не было так холодно, как было на склоне горы, тем не менее им хватало своей доли холодных зим, которые иногда забирали как очень молодых, так и очень старых. Если бы они могли сохранить шкурки пушных животных, это могло бы помочь многим ящерицам, и особенно чешуйчатым, которые самостоятельно переселились на склон горы без теплого оперения.

Мне даже не пришлось направлять их на такие вещи, их собственная изобретательность позволила претворить эту идею в жизнь. Они всегда были очень умными, когда дело доходило до инструментов. Они обнаружили, как использовать камень, прежде чем я пришел к ним, и только с добавлением рук, они получили возможность делать оружие и другие инструменты, в то время, пока я был потерян в пропасти. Они были очень умными, и я очень гордился ими. Я не должен был держать их за руку и вести вперед, мне просто нужно было вдохновить их. Они были вполне способны на все остальное.

Не потребовалось много времени на то, чтобы меховые одеяла распространилась на другие колонии; обмен идеями друг с другом был налажен очень хорошо. Одежда из меховых шкурок была не за горами. Они научились брать виноградные лозы, которые держали наконечники, прикрепленные к копьям, и делать бечевку из волокон, которая была сильнее, чем просто лоза сама по себе. Используя бечевку, они сшили шкурки вместе с использованием маленьких острых костей так, чтобы ящерица могла носить шкурку со свободными руками.

Теперь ради шкурок ящерицы активно охотились на млекопитающих и грызунов, которых когда-то просто прогнали с места своего обитания. В то время как Защитники по-прежнему составляли основную часть боевой силы, ящерицы, не являющиеся защитниками, также брали копья для охоты и учились отслеживать свою новую пушистую добычу.

Все это произошло так быстро, я был поражен. Колонии изменились в течение всего нескольких поколений. И все началось с ящериц, которые так отчаянно пытались выжить на холодной стороне горы. Я был уверен, что они никогда не перестанут удивлять меня.

Одежду не использовали в прибрежных колониях; для жизни в воде она была непрактичной. Вместо этого они модифицировали идею украшения себя меховыми шкурами для тепла, и стали нанизывать красивые ракушки на бечевку и украшать себя просто для красоты. Было удивительно наблюдать, как идея появилась в одной колонии и была модифицирована во что-то новое другой колонией. Новая идея украшения себя распространилась как лесной пожар. Она выразилась в творчестве, подобно которому не было раньше. В дополнение к физической и визуальной привязанности, семьи теперь часто дарили друг другу самодельные подарки, чтобы также проявить свою любовь друг к другу. Для них это был просто еще один способ выразить любовь к своей семье.

Было невероятно трогательно наблюдать, как упорно ящерицы работали над своими подарками друг для друга. Даже если они были не очень хороши в этом, очевидны были усилие и любовь, затраченные на создание подарка, за что их любили еще больше. Такие предметы, как маленькие или слабые кости, сверкающие камни, даже кора некоторых деревьев, которые ранее игнорировались как бесполезные, не могли быть использованы для инструментов, нашли новую жизнь в качестве простого украшения. Они украшали свои головы, шеи, поясицы, хвосты, руки, ладони, ноги, все места, на которых могли бы держаться украшения. Некоторые из них были настолько осыпаны блестками, что почти невозможно было увидеть чешую, при этом они были слишком громоздкими и непрактичными. Большинство носило украшения только на одном или двух местах. Охотники и ищейки носили те, которые не шумели, когда они охотились за пределами границ колонии. Некоторые из них также занимались резьбой по конструкциям полюсных орудий, которая, как и идея, появившиеся до этого, сразу распространилась на многие другие аспекты резьбы по конструкциям инструментов и других украшений.

Так много изменений последовало за чем-то таким простым. Как скала, брошенная в воду, от которой появилась рябь на поверхности. Несмотря на мои опасения, я знал, что должен научить их огню. Они бы смогли с ним сделать столько вещей, он бы снова изменил их жизнь в лучшую сторону, я был уверен.

Но я был удручающе неподготовлен к катастрофе, которая последует вскоре после того, как они получат огонь.